

И Хуай закрыл глаза, не желая, чтобы Ань Фан увидел в них ностальгию.

Ань Фан усмехнулся, коснулся глаз И Хуая, обнял одеяло и, раздвинув ноги, сел на его бёдра, смотря на него сверху вниз.

Время вернулось к прошлой ночи.

И Хуай спросил Ань Фана, любил ли он когда-нибудь Линь Чицина, и Ань Фан ответил, что любил.

Атмосфера, естественно, была неловкой. Никто не мог оставаться спокойным в такой ситуации, если только не был сторонним наблюдателем. Этот ответ также не был тем, что хотел услышать И Хуай. Поэтому он закрыл глаза.

И Хуай редко проявлял сильные эмоции, и всё это было связано с Ань Фаном. Он чувствовал ревность, но прежде чем это чувство успело укорениться и разрастись в его сердце, он услышал, как Ань Фан сказал:

— Любовь — это широкое понятие. Я могу любить книгу, песню, человека. Но любовь не означает то же, что и страсть. Любовь — это способ выразить свои чувства к тому, что мне нравится. Но о страсти я говорил только с тобой.

— Я ненавижу слово «страсть», потому что за ним всегда стоит расставание. Я любил своего отца, но он ушёл. Я любил свою мать, но она ради своей любви оставила меня. Когда-то я думал, что никогда больше не произнесу это слово никому.

Ань Фан, вспомнив что-то, с иронией отвернулся:

— ... Это было просто моё желание. Но когда ты появился, я не смог себя сдерживать.

Ань Фан сидел на кровати, его голос был спокоен, а на лице исчезла привычная улыбка. Его красивое лицо выражало серьёзность.

— Я люблю тебя.

Ань Фан произнёс это с серьёзностью, ожидая ответа И Хуая.

И Хуай, как всегда скрытный, казалось, предпочитал в такие моменты закрывать глаза Ань Фана, не желая показывать свои эмоции.

У каждого могут быть свои секреты, даже у самых близких партнёров. Мало кто может полностью раскрыть все свои мысли перед другим человеком. Молчание И Хуая было связано не только с тем, что сказал Ань Фан, но и с его отношением к нему.

Всё, что хотел знать И Хуай, уже было исследовано Цинь Тяньчэном и отправлено ему в виде текста. Но слова всегда остаются сухими и не могут передать того, что звучит из уст Ань Фана.

Особенно последняя фраза.

И Хуай не смог сдержать долгий вздох и наклонился, чтобы поцеловать его.

В ту ночь они лежали на диване. Маленький диван был скорее декоративным, но они, словно с ума сошли, не пошли на кровать, а устроились на нём. И Хуай страстно целовал губы Ань Фана, а тот, с закрытыми глазами, естественно обнял его за шею. Даже с закрытыми глазами любовь

была видна.

Их сердца никогда не бились так близко друг к другу. Это было странное чувство, в тот момент оба ощущали, как их сердца начинают биться в унисон.

Слово «любовь» легко произнести, но полностью отдаться любви или любить кого-то без остатка — это сложно. К счастью, Ань Фан был человеком, который умел любить и ненавидеть, а И Хуай всегда принимал его. Возможно, всё закончилось бы, когда Ань Фан произнёс слово «люблю».

Судьба распорядилась так, что они должны были полюбить друг друга.

В пять часов вечера Ван Чжао сидел за своим рабочим столом, измученный, с красными глазами, как у разъярённого кролика, уставившись на кучу данных.

Ли Хай, положив телефон в карман, вошёл с тревогой.

Ван Чжао провёл рукой по лицу, его глаза были полны красноты:

— Ну что? Он ответил?

— Ответил, — Ли Хай облизал губу. — Ван-гэ, кажется, это был сам господин И. Он сказал...

— Что он сказал?

— Господин И сказал, что завтрашние съёмки Ань-гэ, возможно, придётся отложить.

Ван Чжао усмехнулся:

— Господин И говорил таким тоном? Ты думаешь, ты Ань Фан, мелкий засранец?

Ладно, конечно, И Хуай говорил не так. Он просто холодно приказал Ли Хаю больше не звонить и отменить завтрашние мероприятия Ань Фана.

Ван Чжао в ярости швырнул папку на стол, взорвавшись:

— Чёрт возьми, так жить нельзя! Каждый раз одно и то же! Они там любовью занимаются, а нам что делать? То одно, то другое отменяют, не думая о нас!

— Гэ, успокойся.

— Успокоиться? Ты знаешь, сколько усилий мне стоило договориться с этим сценаристом!

— Может, я ещё раз позвоню Ань-гэ?

Ван Чжао был на грани взрыва, оглядевшись по комнате, спросил:

— А где Сиси?

— У Сиси подруга попала в больницу, она ушла проведать её, — ответил Ли Хай.

Ван Чжао устало откинулся на спинку стула, начиная сомневаться в себе. Да, Ань Фан был талантливым, у него были связи, но как можно продолжать работать, если постоянно отменяются мероприятия? Если так пойдёт дальше, Ань Фан вообще перестанет быть

популярным?

— Я позвоню Ань Фану и выясню, что за дела. Даже если у него есть покровитель, так нельзя!

С этими словами Ван Чжао достал телефон и набрал номер. После нескольких гудков кто-то ответил. Ван Чжао сказал «алло», и его голос прозвучал совсем рядом. Он и Ли Хай одновременно посмотрели на дверь, где стоял Ань Фан, улыбаясь. Он отключил звонок и помахал им рукой.

Ван Чжао на мгновение застыл, затем мрачно посмотрел на Ли Хая. Тот сразу занервничал:

— Гэ, честно, это был господин И! Он сказал, что завтра мероприятия нужно отменить!

— В следующий раз звоните в подходящее время. Если господин И рядом, вам придётся несладко, а потом разбираться буду я.

— Ну, мы же не его любовники.

Ань Фан усмехнулся, не стал спорить с Ван Чжао и спросил:

— Что за мероприятие на завтра, что ты так настойчиво звонил?

— После Нового года, новые возможности. Я нашёл хорошего сценариста, чтобы создать тебе новый имидж.

Ань Фан, услышав это, рассмеялся и упал на диван.

Ван Чжао действительно приложил много усилий. После дебюта Ань Фана из-за истории с Хэ Сичуанем поползли слухи о его гомосексуальности. Обычно такие слухи легко подавить, устроив пару романов с женщинами, но из-за строгого приказа И Хуая Ван Чжао не мог рисковать, иначе ему пришлось бы писать заявление об увольнении.

Без этого быстрого решения слухи о сексуальной ориентации Ань Фана только усиливались, и найти хороший выход из ситуации было сложно.

Кроме того, позже началась настоящая травля. Ань Фана обвиняли в высокомерии, отсутствии манер и плохом отношении к персоналу. Остальные обвинения можно было игнорировать, но обвинение в высокомерии чуть не рассмешило Ван Чжао. Ань Фан, даже с его текущей популярностью, не был звездой, не говоря уже о том, что несколько лет назад он был никому не известен. Современные папарацци явно не старались.

Конечно, несмотря на их лень, компромат оставался. Поэтому Ван Чжао решил найти хорошего сценариста, чтобы написать статью, которая изменит имидж Ань Фана.

Ни один медиаспециалист не сомневался в силе пропаганды. Очистить репутацию легко, если правильно донести информацию до аудитории. Зрители не могут объективно узнать о личной жизни звёзд. Какой образ у звезды, зависит от того, как его подают папарацци и блогеры.

После публикации в крупных медиа и перепостов репутация Ань Фана быстро улучшится.

— Ты даже не в первой линии, хотя скандалы и популярность — это хорошо, но немногие могут стать звездой скандалов. На одних скандалах далеко не уедешь, нужно показывать талант.

Ань Фан, конечно, понимал это и кивнул.

Ван Чжао, уставший, бросил сценарий сериала «Милосердное сердце» Ань Фану:

— Вот сценарий. Дата съёмок ещё не определена, я сообщу позже. Кроме того, через несколько дней может быть пресс-конференция по сериалу «Утренняя звезда», нужно подготовиться.

— Хорошо.

Пока они разговаривали, Сяо Тун, стоявший у двери, приложил ухо к щели и, увидев, как Ань Фан и Ван Чжао беседуют, улыбнулся с удовлетворением.

<http://bllate.org/book/16314/1472619>